

Действующие лица:

Доня – Голиндуха Копыркина, уборщица, 45 лет.

Шура – Александра Владимировна Клюквина, 58 лет.

Карлсон – Коля Коровин, неопределённого возраста жилистый человек.

Клюква – Алексей Клюквин, муж Шуры, алкоголик.

Моншер, 58 лет, седой, но моложавый.

Охранники, полицейские.

Сцена 1. Март, поздний вечер

Плохо освещённый угол двора многоэтажно-го дома; дверь в подвал; пространство подвала: лампочка под потолком, на лежанке – закутанные в тряпье, как в коконы, Шура и Клюква.

Со стороны двора к подвальной двери подходит прилично одетый Моншер, в руках у него букет и два больших пакета, которые старается переложить в одну руку. Стучит в дверь ногой.

Моншер. Diable! Verdammt! Чёрт! *(Роняет букет, потом пакет, возится и ворчит.)* Э-эй! Господа! Отворите!

Шура вылезает из кокона. Она в рабочем синем костюме, на макушке вязаная шапка. Вставляет ноги в калоши, медленно, хромая, идёт к двери, открывает её.

Шура. Я – за швейцара? Сил нет на дверь?

Моншер. Разве-с баррикаду уже не строите-с?

Шура *(зевает)*. Кому мы нужны, господи!

Моншер. С восьмым мартом, с дамским днём, уважаемая Александра Володимировна!

Вручает Шуре букет.

Шура. И – куда их?

Моншер. Позабочусь! *(Снова забирает букет, кладёт на подобие стола в углу. Достает из пакетов, выкладывает упаковки. Напевает: «Восторг и умиление! Ужимки и прыжки!»)*

Шура желает идти в кокон. Моншер под локоток удерживает её.

Моншер. Шуручка, всё для Вас!

Шура. Да не. Не в коня корм. Лучше бы копил, хранил монеты. Пропьём богатство твоё, промызаем!

Моншер. Как же, восьмого марта – и не принести! Так, бокалы пластиковые, шесть штук. Прелестный вишнёвый сок. Вот и цветочки пристроим в банку эту, водичку нальём чистойшую – из бутылочки. О! Забыл! Надо профодежду упрятать в пакетики, а то провоняю вашим дворянским запахом. *(Снимает пальто, свитер, складывает в пакет.)* Клиенты чувствительны. Сегодня такой пыжик лепечет: «Вам надо диссертацию писать, такого знатока архитектуры больше нет!» Ха-ха-ха! Я их через все дворы с восемнадцатым веком протащил! Три часа! Голос сел – по-русски вопил, по-английски мяукал и парле франсе – там один французик, хе-хе, «из Бордо» затесался.

Шура. Замёрзнешь, хвостун! Переодевайся скорей!

Моншер скрывается за выступом стены и выходит оттуда в куртке и штанах с пузырями. Обнюхивает снятую одежду, которую держит в руках.

Моншер. Выходное платье – берегу. Вообще-то мне бы поторопиться в одинокий приют. Ключа от подъезда нет. Между прочим, за неделю заплатил! Мылся! А всё аристократическим запахом подземелья несёт. Или мерещится? Сейчас кое-что заберу, романсик спою и – au revoir! А завтра одеяло

тёплое принесё. Насыщайтесь, аккуратненько-осторожненько!

Шура (*жуёт у стола*). Сожрём, сожрём, промызаем, как по нотам, в до-мажоре.

Моншер (*складывая что-то в сумку, суетясь*). Сожитель-то жив? Кажется, сопит, *ignon*?

Шура. Мужики у магазина пожертвовали, не разбудишь.

Моншер (*садится в ноги лежанки*). Шура, хочу сказать: место уборщицы есть. Всего часика на два. И документики не требуются!

Шура. И я – не требуюсь. Нигде не требуюсь, никогда не потребуюсь, ни в каком оркестре не потребуюсь. И в уборщицы – тоже. (*Пауза.*) Прости. Сам-то как дальше?

Моншер (*вздыхает*). Третья попытка войти в социум должна быть удачной. Эх, где бы зарегистрироваться недорого! Бумаги нужны. Мозги чистые, воображение только мешает, особенно ночью, и полиции опасуюсь... Мадам, а про Карлсона что слышно?

Шура. Карлсон, сплетничают, теперь высоко. Не верится, но вроде на крыше Космос-отеля притулился. Никому, якобы, не платит. Ненормальный. Там-то точно везде камеры, охранники. Ненормальный. Вот сопрёт спокойненько, если увидит где, кучу долларов, накупит хомяков джунгарских и бедным на обзаведенье раздаст.

Моншер. Да, конечно, с отклонениями индивидуум. Однако завидую. Я вот из чего бьюсь? Покушать, поспать, приют, документики, чтоб как у обычных граждан. Жил – дрожал и умирал – дрожал. А он – или уж не знаю как – романтик, может?

Шура. Ты романс обещал.

Моншер (*достаёт губную гармошку, искусно изображает вступление и поёт начало романса*). «Ты сидишь одиноко и смотришь с тоско-о-ой...»

Шура (*прерывает*). Меня бабушка учила это петь в семьдесят девятом. У нас, помнишь, громкотих был концертный, с большой клавиатурой. (*Откашливается, пытается петь*). «Ты сидишь одиноко...» Кх-кх! (*Хрипит, кашляет, машет рукой*). От сладкого твоего. Не в курсе, фургон с врачами приезжает на площадь? Надо Клюкву сводить, совсем после вирусняка ослабел.

Моншер. Насчёт фургона позабочусь. Главное, чтобы не ходил клянить к Центральному. Побьют и ещё догонят, в рабы захомутают. Терпи уж до лета, позабочусь.

Шура. Спасибо! И Абдуллаеву спасибо: приютил. Я ему, когда суставы мои позволяют, полдвора с грехом пополам, но убираю, он доволен. ЖКО, полиция, ещё кто-то приходили, но нас не было как раз, обошлось.

Моншер (*целует, или делает вид, что целует, Шурину руку*). Всё будет хорошо, была бы пища, как обмолвился поэт. Ну-с, мадам, граф Экскурсовод отбывает восвояси. Завтра или на днях буду.

Моншер берёт сумку, уходит, напевая: «ужими и прыжки». Шура наводит порядок на «столе».

На лежанке шевелится Клюква.

Клюква. Моншер?

Шура. Он ушёл.

Клюква (*поднимается*). А... промочить? (*Падает на лежанку и замолкает.*)

Сцена 2. Начало мая, ночь

Верхний этаж Космос-отеля. Часть ресторанной кухни. Чердачная лестница. На больших часах на стене три часа ночи. По лестнице вниз ловко и бесшумно спускается Карлсон. Рыжая кошка выбегает к его ногам.

Карлсон. Привет, привет, тётя Кошка! (*Кошка мурлычет и трётся о ноги пришельца.*) Сейчас мы с тобой в очередной раз экспроприруем буржуазную жральню. Уборщица только через час явится... Смешно! Камера наблюдения всего одна! Не знаешь, от скупости или от небрежения? (*Держась определённого маршрута, подходит к одному из холодильников, достаёт пакет и ножик из кармана, а из холодильника колбасу, отрезает, бросает кошке.*) Кис-кис, колбасенция! Ну, себя-то я вегетарианской едой побалую, тяжелеть нельзя, а ты толстей, шерсть лучше будет. О! Простой морковный салат! Оливковое масло! Пойдёт! (*Складывает еду в пакет, грызёт яблоко.*) Даже как-то скучно. Когда я был голодный, жизнь казалась полноценней. Вот, Кошандра Ивановна, люди странные существа. Какие заморочки ради насыщения сытых! С утра до ночи работает куча народу, чтобы из нормального сырья сделать нерусские кушанья, пошлость какая! А ты милая. Пушистая. (*Опускается на корточки, гладит кошку.*) Собаки мне ближе, но ты тоже ничего. К тому же мы собратья по акробатике. Взять, что ли в подмастерья, пока не растолстела?

Раздаётся шум шагов, входит Доня.

Карлсон прячется за холодильник.

Доня. Боже ж мой, господи, как спать хочется! Слава богу, нынче раньше смогла. Моющий не буду включать, фигушки. Тряпочкой пройду, побольше раствора, и всё... Ой! Батюшки! Что это, из холодильника, что ли? Яблоки... Мешок целый... Какой вечный беспорядок последнее время, не по правилам! А ещё хвалятся, что тут всё по высшему разряду!

Открывает дверь холодильника, она распахивается и бьёт по Карлсону.

Карлсон (*вопит*). А-а-а! Зачем так резко-то! Прямо по носу! О-о-о!

Доня. Боженька!!!

Карлсон (*передразнивает*). Боженька! Размахалась! О-о-у!

Доня. Льду, льду приложи! Я ж ненароком! Зачем тишком, будто мышь, притаился! Я откуда знаю, что тут ремонт? Вечно не вовремя починки эти. Мне ведь убираться надо? Надо! Тебя Сергеич прислал?

Сцена 3. Середина мая, утро

Майское солнце. Крыша Космос-отеля. Через узкую улицу-провал – крыша другого здания, чуть ниже. Рядом с трубой вентиляции – спальный мешок, из которого вылезают Карлсон и рыжая кошка. Карлсон машет руками, делает зарядку.

Карлсон. Э-ге-ге-ей! Мы живы и на свободе! На тренировку стройсь!

Карлсон привычно перекидывает канат на другую сторону улицы, цепляясь крюком за деталь соседнего здания. Несколько раз переходит по канату туда и обратно.

Карлсон. Завтракать не буду, тётя Кошка, килограммы лишние набрал. (*Пьёт воду из пластиковой бутылки.*) Нет, ну сколько еды! Не верится, что где-то есть голодные. По идее, на земле реально райскую жизнь устроить. Ей-богу, на всех всего хватит, как думаешь, киса? (*Пытается цитировать Владимира Соколова.*)

«Что нам надо: две крошки хлеба,
А с небес, что ли... что-то там слетает,
И стихи прилетают с неба».

Проклятые буржуины, гурманы чёртовы, портят население, заразили всех жадностью. Впрочем, о чём я? Наплевать и на господ, и на рабов. Птицы – вот приятели. А из низших (извини, киса!) – собаки. Кстати, надо нынче вниз спуститься, я ведь этой бабе лупоглазой подарок обещал. Карлсон человек порядочный. Может, телефон модный, у неё, конечно, нету? Да, да, пожалуй, годится! О! Склад электроники в розовом доме, восьмой этаж, помнится, я там тройку раз брал технику. Сейчас шести ещё нет, самое время. Тётя Кошка, жди!

Карлсон собирает рюкзак и альпинистское снаряжение, скрывается за выступом крыши.

Сцена 4. Май, ночь

Знакомое пространство ресторанной кухни. На часах половина четвёртого. Входит Доня, тянет пылесос-мойку. Останавливается. Потирает поясницу, вздыхает.

Доня. Ох, спинушка моя бедная, ох, огород-мучитель... (*Начинает уборку.*)

По чердачной лестнице бесшумно спускается Карлсон, подкрадывается сбоку к Доне и протягивает подарок – телефон.

Доня. Ай! Боженька!.. Ох, это Николай. Напугал, Коля!

Карлсон. Я не Николай, я Карлсон.

Доня. Говорил, что Коля. Карлсон – это подначка такая любимая, да?

Карлсон (*держится за нос, ворчливо*). Никто меня не присылал! Есть просто захотел!

Доня. Шуткует ещё. Тут не то что есть, тут присесть не дадут, сразу заметят, прискачут, почто без дела прохлаждаешься.

Карлсон. А камера не видит этого холодильника и этой стены.

Доня. Камера не видит? Хм... А это твоя торба? Большой перекус? А когда чинить будешь? Мне мыть.

Карлсон. Чо тут чинить? Холодильники холодят, часы идут, батареи греют.

Доня. Дак зачем ты тут?

Карлсон. Бестолковая какая, есть захотел!

Доня. Постой, ты что... в торбе казённая еда, что ли?

Карлсон (*смеётся*). Угу!

Доня. Казённую...Ты что?.. Во-ру-ешь?!

Карлсон. А ты что, не в капитализме буржуинском находишься, никогда не воровала?

Доня (*вздыхает плечи, заикается*). Я? Я? Воровала?! Шутки дурацкие, паршивые шутки, терпеть не могу таких!

Карлсон (*снисходительно*). Да не волнуйся так! Слушай, давай договоримся. Тебя как зовут?

Доня. Ну, Доня Копыркина. И что?

Карлсон. Меня Коля, Николай. Донечка, очень кушать хочется, тут жральни немерено. Я заберу мешок и исчезну. Потом опять приду и исчезну. Никто не узнает, они тут не считают. Тебе потом подарок принесу, честно! Только не докладывай никому, не создавай проблем, а? Так здорово устроился и...

Доня. Ну, допустим, не сболтну, хотя... А что за ремонт-то велели сделать, никак не пойму, если всё работает? Ты электрик?

Карлсон. Нет, ну гляньте на неё! (*Кричит.*) Я не электрик! На твоих хозяев не работаю! Чтоб им пусто было!

Доня. А от какой же ты организации?

Карлсон (*показывает пальцем наверх*). Я – с крыши.

Доня (*деловито*). Полиция? Или бандюганы?

Карлсон (*гордо*). Я сам по себе, Карлсон, живу на крышах.

Доня (*заливается смехом*). Забавник! Выдумщик! Карлсон! Ну даёшь! Забирай торбу. Никому не скажу. Карлсон! Любопытно только, как вниз пронесёшь!

Карлсон. А вот отвернись к стене, прижмурься и считай до тридцати. Потом обернёшься, и я тебе свои хитрые способы покажу.

Доня. Ха-ха-ха! Хитрые! Сказочник! Ну давай поиграем! Вот, отвернулась! Один, два, три... (*Считает.*)

Карлсон взлетает по лестнице наверх, унося добычу, скрывается в чердачном проёме.

Доня (*старательно досчитывает*). Тридцать! Ну, шутник, что там надумал? А-а! Ушовши? Шустрый! Никогда этаких не встречала. Глупый! Из-за еды подставляться. Уволят его, беднягу.

Карлсон. Не-е. Не люблю шутить, я человек чести. Раз обещал подарок, вот, принимай телефон последней модели!

Доня (*разглядывает, но не берёт телефон*). Ух ты! Баской какой! Значит, согрешили, вместе крали, за это и подарок. Ну и ну! Да он ещё и новый, смотри? Я в этом смекаю, тут недалече, на складе, тоже уборщицей по утрам. Так-так! Значит, на еду у тебя казны нету, а тут вдруг дорогую штуку укупил за большие денежки!

Карлсон. Причём тут деньги? Так взял! Вещей и жральни кругом – на века, амуницией всяческой можно по полной загружаться, но только нужное беру, жизнь не трачу на шмотьё.

Доня. Хм. То есть ты всё-таки вор? Сроду краденым не пользовалась.

Карлсон. Ты не Доня, а дура. (*Доня машет рукой.*) Буржуи пачками выкидывают немодное! Они знаешь как с вещами-то обращаются? Земля завалена барахлом под завязку! И еда гниёт. А я, значит, беру со склада *один* гаджет, каких тыщи за день рабы настрогоают, и сразу: во-ор! Вот если бы к тебе домой залез да спёр нужное тебе, тогда бы да, не был бы я человеком чести!

Доня. Чужое брать нечестно! Дитю ясно!

Карлсон. Было бы ясно, если б *все* вкальвали и ничего лишнего не производили. А так... Профанация труда! Раскручивают махину грешники, всё слаще подавай, прогресс чёртов, скоро Земля от хотелок ихних расколется!

Доня. Да хоть что тараторь! Нельзя – так нельзя! Пусть те грешники за свои грехи Богу отвечают, а мне бы за свои ответить.

Карлсон. Какие у тебя грехи, лупоглазое ты чудо?

Доня. Лупоглазое... Какую уж сделали... А грехов, как у всех, полно!

Карлсон (*посмеиваясь*). Ну-ка, хоть один, поинтереснее, обскажи!

Доня (*всерьёз задумавшись*). А вот... хоть бы... Намедни надо было племяннице двадцать тыщ выслать, и накопила я, да не утерпела, четыре тыщи на сапоги себе потратила. Ведь четыре тыщи – с ума сойти! Вот теперь аванс пришлось просить.

Карлсон. Племяннице – сколько?

Доня. Говорю же, двадцать отправить срочно.

Карлсон. Я не про то, лет-то ей сколько?

Доня. Двадцать третий пошёл.

Карлсон. А зачем ты взрослой дылде деньги шлешь? Пусть сама крутится!

Доня. Нет, нам с тобой ни в чём не сговориться! Как родной племяннице денег не слать? Учитя а ж на пятом курсе, из последних сил тянется, лялечка моя.

Карлсон. Пусть родаки шлют!

Доня. У неё родитель один – братик мой. Пьющий сильно, откуда у него? Я ему еду ношу, деньгами не дашь – пропьёт.

Карлсон (*воздевает руки к небу*). И пропойце помогает! Мать Тереза!

Доня. Я ей давно заместо матери.

Карлсон. Отребье спасать...

Доня. А хоть бы и отребье. Всем кушать хочется. Разве ты не пожалел бы брата?

Карлсон. Слава господу, нет таковых. Да и вообще – плевал я на двуногих! Помогать ещё им! Через одного – дрянь трусливая, безмозглая, рабы лгущие. Не примирюсь никогда!

Доня (*волнуется, заикается*). Фу! не хочу больше с тобой... Плохое говоришь, людей ругаешь. Иди лучше...

Карлсон. Уйду. Только яблок возьму. Мне без фруктов нельзя, я вегетарианец.

Доня. Ну и ну! Значит тебе яблочков? Из холодильников тырить? А, поди, зарплата поболее моей! И чо, не хватает?

Карлсон. Не получаю зарплаты.

Доня (*злорадно*). Ага! Уволили!

Карлсон. Я не раб, за подачки не работаю, я человек чести.

Доня. Тьфу! Честь! Честный! Ну уж совсем!

Карлсон, под вопли Дони, нагружает пакеты содержимым холодильника.

Доня. Ничего себе! Честный! Вот я...

Карлсон. Я тебе телефон подарил, не тарахти! (*Кладёт перед Доней телефон.*)

Доня. Забирай краденое!!! (*Кидает телефон Карлсону.*)

Карлсон (*ловит*). Ладно-ладно, хорошо, успокойся. Мне в душ на девятый этаж надо. Потом уж другое принесу, раз телефон не надо.

Наклоняется, пригибается и проскальзывает мимо камеры наблюдения к выходу.

Сцена 5. Май, полдень

Подвал, где в коконах лежат Шура и Клюква. Скрип и шум отворяемой двери. Входит Моншер с большой сумкой.

Моншер. Господа дворяне! Кушать подано! Граф Экскурсовод прибыл!

Шура. Моншер пришёл!

Моншер. Вы чего почиваете? Полдень на дворе, всё цветёт и ликует, а вы тут, в склепе. Хоть бы на улице на лавочке подремали. (*Выкладывает на стол из сумки продукты. Оживленно.*)

А со мной маленькая история приключилась. Решил разориться, гаджет – ну, телефончик такой – модный купить, а то клиенты косятся на старый. Заказал в розовом доме, курьер приносит коробочку, открываем, а там плиточка фаянсовая. Курьер так и сел: ничего-де не понимаю. Первый раз-де такое. Ну, разбирательство всякое. Говорят, завтра доставят.

Шура во время монолога Моншера встает, подходит к столу. Клюква недвижим в коконе.

Шура. Кхе-кхе. Пропитание.

Сцена 6. Май, полдень

Склад электроники в розовом доме. Ровные ряды полок, конторки, электрокар. На переднем плане спины полицейских. На табурете перед ними сидит Доня и плачет.

Доня. Да я что – дура, что ли, место нормальное терять? Четыре года работаю. Семь телефонов! Ей-богу, не брала сроду!

Полицейский что-то тихо и невнятно говорит. Доню берут под руки и уводят.

Входит группа охранников. Они скользят вдоль полок и что-то записывают. Уходят.

В открытом окне появляется голова Карлсона. Он спокойно залезает в окно, сматывает альпинистское снаряжение. Не торопясь планирует вдоль полок.

Карлсон. Так-так. А! Отсюда брал прошлый раз. Хм. Коробки нет. И хрен с ними, положу тут. Мне лишнего не надо. И лупоглазой не надо. Чао, в косметичку полечу.

Переваливается через окно, за окном некоторое время качается верёвка-трос, потом исчезает.

Сцена 7. Май, утро

Кухня в домике Дони на окраине города. Открытое низкое окно. Доня входит с миской в руках. За Доней – собака-дворняжка.

Доня. Погоди, Полкан, не путайся под ногами! Вот скажи: что, мы работу, что ль, не найдём? Удивили! Доказано, что не виновата. А увольняйся! Сейчас-сейчас. Косточку тебе, сама молока хлебну, вот и утешение.

Карлсон *(появляется в окне).* Хозяйка! Тук-тук!

Доня. Ктой-то? Николай? Ничего себе! И жительство уж моё известно!

Карлсон. Я не Николай, объяснял же, Карлсон я. А адрес пара пустяков выяснить. *(Хвастливо.)*

Я вездесущий, ловкий!

Доня. Ну, и что тебе, вору ловкому, вездесущему, надо?

Карлсон. Я не вор, я человек чести. Принёс вот. Тебе телефон не понравился, так косметика, может, пойдёт? *(Протягивает коробочку в окно.)*

Доня *(не берёт).* Опять крадено?

Карлсон. Взято, где лежало. Тоже не надо? Так что тебе дарить-то?! Скажи прямо!

Доня *(помолчав, с насмешкой).* А вот огород бы докопал! Ты же ловкий!

Карлсон *(спокойно).* Могу, конечно. Показывай. Инструмент давай. Лучше вилы. Лопата – неэкологичное орудие.

Доня *(удивляясь, с недоверием).* Ну, айда! Сейчас выхожу, в калитку заходи!

Моншер. А как же! Болтовня кормит! Я теперь ведь не рядовой, а командир болтальёна! Книжечку предлагают сделать, справочник с любопытными отступлениями, ну и с фото. А у вас, дорогая Александра, как дела?

Шура *(уныло).* Я через абдуллаевский комп заявку в центр занятости отправила...

Моншер. Ну и...

Шура. Написали, что отказывают, в резюме экстремизм и пропаганда национальной розни. Я не понимаю, как так-то...

Моншер. Что?! Не шутите, мадам? Экстремизм? Ох, Шуручка, экстремист дорогой... Что только нынче не выдумают! Кастинг дворников и прочее...

Шура *(мрачно).* Не гожусь я. Да суставы, господи, и давление. Полный бекар.

Моншер. Не огорчайтесь, машер. Документы волонтёры восстановят. Жильё найду, пенсию оформим какую-никакую. Всё-таки! Вот что с супругом твоим, господином Клюквиным, делать, ума не приложу.

Шура. Главное, я ему ничем не могу... Я и себе-то... И никому... *(Плачет.)*

Моншер *(обнимает Шуру).* Шуручка, не кисни, ещё повоюем, прорвёмся, опера! Нам ещё не семьдесят, нам даже ещё не шестьдесят! Всего-то пятьдесят восемь годиков! Одеться, умыться, выспаться в тепле – и всё наладится! Ты же талант!

Шура. Уже захлебнулась в собственном таланте! Дудку в позапрошлом продали, пальцы не гнутся совсем. Трудоустройство в подземном переходе к смерти!

Моншер. Ну, машер, ну не надо! Да за один твой Моцарт, ре-минор... Клюква – вот твой камень на шее, прости меня, господи! И как можно было чуткой флейтистке спать с таким неритмичным человеком! С постмодернистом!

Шура. А тебе – с твоей жадной миледи! Спал с ней, а думал о скифах!

Моншер. Прекрасно! Ядовитые намёки лучше, чем слёзы. А своей давно простил.

Шура. И что дедов дом оттяпала?!

Моншер. И что не родила, и что оттяпала, и что совести нет – всё. Больше скажу – благодарен! Я ведь избалованный был, сноб этакий, если б не катавасия эта, не бомжевание, не узнал бы, чем счастье от несчастья отличается, ей-богу.

Клюква *(стонет).* М-моншер... М-м-м... Жрать принёс? Бухло принёс?

Моншер. Для вас, бывший в употреблении литературский планктон, только еда.

Клюква. Ну Моншерчик, чекушечку, последний разик!

Моншер. Кофейную ложечку разве, для оживляжа.

Клюква *(поднимаясь).* Чашечку!

Моншер. Но сначала на колонку, умываться! *(Тащит упирающегося Клюкву во двор.)* На какие и зачем пьёшь, Клюква ты развесистая!

Клюква *(уже за дверью).* А чтоб красиво, и с людьми интереснее!

Сцена 8. Май, утро

Прошло три часа. Та же кухня в домике Дони. Доня и Карлсон сидят за столом и сосредоточенно едят. Слышен стук ложек.

Карлсон (*утираясь*). Сто лет таких вегетарианских щей не едал! Не ожидал. Суперские просто! Спасибо!

Доня. Ха! Что там – крошево! Тебе спасибо большое! Тоже не ожидала. Как трактор пашешь, не утонишься.

Карлсон. А то! всю жизнь ЗОЖ, физподготовкой занимался. В институте в секции альпинистов стоял. Эльбрус два раза. Да потом чёрт меня в цирк занёс на шесть лет, воздушная гимнастика, а номер хороший был.

Доня. Да ты что! Занятно как! А я в цирке никогда не была.

Карлсон. И в детстве не водили?

Доня. Я с бабушкой жила, этот вот домик бабкин, царство ей небесное. На рынок землянику выращивали. Я и школу пропускала, не то что цирк. Бабушка, больная, у окошечка сидит, вяжет вслепую, командует, а я с апреля до ноября копаюсь. Мужиков наймём за самогон, они теплички поправят.

Карлсон. АгронOMICеские труды, значит. Что ж, благородно. А цирк – он на любителя, многое там уродливо. Впрочем, как везде. Ну ладно, пойду. В расчёте мы, ага?

Доня. Погоди, погоди, погоди! Я всё гадаю, не пойму, что ты за человек. Скажи, где числишься-то, где живёшь, почему вору... тьфу, то есть берёшь без спросу? Любопытно мне!

Карлсон. Любопытно? Это любопытно, что тебе любопытно. Биографию, может, доложить? Не тайна! Шесть лет в цирке, потом болел, денег не стало, пошёл по специальности, сварочный инженер я, потом безработный, квартиру потерял, семью потерял, рассердился, и живу как живу. Таксовал-тосковал, матросом был. Везде бывал. И у чукчей бывал, и даже у нашего соседа со стороны чукчей, нигде не понравилось. И капитализм не по нутру, обидный порядок.

Доня. Бедовый ты! Я робею даже в северный пригород поехать. А насчёт порядков согласная, обидные. Но это же по грехам людским: что при царе Горохе, что нынче. Богатеи побессовестнее с жиру бесятся, а бедные от убожества с бесами. Хоть в голос реви иногда! Но вдруг и радость от Бога имеем, когда друг к дружке прислонимся. Вот ты помог. Обычно только к июню докапывала. А всё ж – где обитаешь, парень?

Карлсон (*смеётся*). Парень! Дед уже! Сообщал же: я – Карлсон, на крышах живу!

Доня. На самых-самых крышах? Самых-самых?

Карлсон. Да! Там отлично! Сплю в спальнике хорошо. Воздух, иногда птицы. Из людей – никого. Вернее, случаются люди, ремонт там или что. Но редко.

Доня. А как же гроза, морозяка? И без людей разве весело?

Карлсон. Что гроза! Одному проще. Ни за кого не отвечаешь. Ну, есть приятели, больше по подвалам, фи, антисанитария, крысы. Духота. Нет, одному лучше... А ты что же? Одна? Разошлась, небось, с пьяницей каким?

Доня (*машет рукой*). Что ты! Что ты, не дай бог пьяницы! Я их боюсь до смерти, насмотрелась! Брата разве что не боюсь, жалею его. У меня никого, кроме него и Кати, племянницы. Кому нужна такая, как я, страхолюдина.

Карлсон. Нет, ничего, ты баба лупоглазенькая такая. Симпатичная.

Доня (*обрадованно*). Правда, симпатичная? Ой, спасибочки! А то я всю жизнь стесняюсь, меня в молодости кобылой обзывали. И ещё хуже обзывали: голой! Я по святам Голиндуха, Голей кликала бабка, так вот. Потом ещё много как обзывали, задразнят, бывало, до слёз.

Карлсон. Меня тоже дразнили: корова. Я так-то Коля Коровин. Кто дразнит – с тем дерусь. Драки у меня и сейчас удачные, я жилистый, быстрый. Если что, обращайся, кому хочешь вмажу.

Доня. Нет, зачем, не хочу, я драк боюсь, лучше всё миром.

Карлсон. Как знаешь. Ну, я пошёл, оставил кошку голодную. Давай приду завтра, сарай подремонтирую, а ты мне – щец миску!

Доня. Дак давай! Только в другой раз мимо той вербы дуплистой, у ламки-низинки, нейти.

Карлсон. Почему?

Доня (*шепчет*). Там же нечистый прячется! Не смейся! Справа ходи, где осина, она нечистого гонит.

Карлсон смеётся, машет рукой, уходит именно мимо вербы.

Сцена 9. Начало июня, сумерки

Угол знакомого двора, вход в подвал. Моншер вешает замок на дверь. Появляется Карлсон с рюкзаком, подходит.

Карлсон. Моншер! Привет! Какой ты, не узнать! Аккуратный прямо-таки! Эти, Клюквины, на прежнем месте?

Моншер. А-а, это ты. Опоздал, мон ами.

Карлсон. На новое место перебрались?

Моншер. Можно сказать, и так... Клюкву поймали, били-колотили, Шурочка, как всегда – спасать. Ну, и... Нет теперь Шурочки, одноклассницы моей, однодворницы нашей, ножичком её...

Карлсон. О!!!

Моншер. Хоронить буду возле родителей. Пусть хоть после смерти по-человечески... Договорюсь! Денежек, конечно, маловато. Но... музыки ей этой не надо, вкус у неё классический был, гробик маленький. У тебя-то с деньгами тоже?.. Ну конечно. Крест нормальный не осилим, крестик, что ли, самодельный... Сделаешь?

Карлсон. А сволочь где?

Моншер. Ты о ком?

Карлсон. Клюква живой?

Моншер. Живой. Правда, рёбра сломаны, в черепной коробке отверстие. Может, с месяц подержат в больнице, пить не будет. Я ж ему и Шуру документов почти добился, комнатку приискал, а тут... Эх, как же этот дурень всё похерил...

Карлсон. Гнида! Убить!!!

Моншер. Убить, убить... Убить, как видишь, дело нехитрое. А вот к жизни... Как считаешь, Клюква ведь насовсем спился?

Карлсон стоит набычившись, глядит в землю, не отвечает.

Моншер. Что молчите, мсье циркач?

Карлсон. Иногда очень хочется проредить человечество! Как морковь прореживает одна знакомая, решительно. Более-менее кто, Шуру, например, оставить. Всех подлых трусов, сволочей и негодных – вон!

Моншер. Злоба лишает тебя обаяния, Карлсон. Кстати, мы все – негодники в то или иное время, с тех или иных сторон. Ты вот, «гебен зи, битте, этвас копеек» бывшему инженеру, ушёл якобы в монастырь – на крыши? Остальных к чёрту? Оставляешь без поддержки, без помощи в проклятом тобой капитализме?

Карлсон. Я помогаю! Недели две назад огород копал одной бабе. За суп – щи, очень правильные. Электричество, сарай ей поправил, тоже суп ел...

Моншер. О, мон дье! За щи! Огород-сарай... А ведь головастый был... разнорабочим любой может.

Карлсон. Был да сплыл. Вообще-то, не за щи. Просто земли у неё неплохо, а сил не ахти. И копал.

Моншер. Теперь придётся могилку Шурочке копать, мон ами. Согласен?

Карлсон. Ясное дело, упокоим, проводим. Крест сделаю, у меня на одном чердаке и дерево подходящее, карагач, сохнет. Шура, она добрая. Меня, помню, всё опекала, когда пацаном был. А кто её?

Моншер. Разбираются, но вряд ли разберутся. Как бы самого Клюкву не посадили. Ты зачем к ним направлялся?

Карлсон. С осени не интересовался, а тут с Клюквой решил потолковать.

Моншер. О чём с ним толковать, с алкогольной головой?

Карлсон. Он, конечно, гнида, сволочь, но... в лирических делах здорово понимает. Ученик самого

Охрименко! Тот стихи его хвалил. Просто уязвимый Клюкву, уязвимые ломаются, изнутри разрушаются как бы. Но он понимает кое-что о чувствах, о-о-очень понимает... Мне бы потолковать...

Моншер. Пойдём-ка, моншер, ко мне. У меня щенок приبلудился. Один гнилой интеллигент привёз мне двадцать восемь книг от своего тестя.

Собака, книги – идеальный вечер! Я тебя винегретиком попотчую. Я, мил человек, социализировался, так сказать; но грустно мне, ох, как грустно! Грубостями жизни опечален. Смертельные опыты она над нами производит. Или мы над ней? Пойдём, а? Потолкуем!

Сцена 10. Июнь, полдень

Кладбище. У свежей могилы Моншер, Карлсон, Доня. На могиле гряда белой сирени.

Моншер. Схоронили мы прекрасную женщину, музыкантшу. Большое горе-несчастье у неё было: спасала она мужа своего, Алексея Клюквина, а прежде – и стихи Лёхины. Не могло это иначе завершиться. Любовь спасательная ведь почти никогда благополучно не кончается. Намучалась Шурочка. При жизни в нормальной постели-то лет пять не отдыхала, теперь отдохнёт. Спи спокойно, ма сёр.

Доня. Такая, будто молодая невеста, лежала: платье белое, сирень белая. Возьми её, Боженька, в рай бедную! О-хо-хо! Жизнь!

Карлсон. У нас, Доня, всё будет хорошо!

Моншер. Пока дышу – надеюсь, а будет – по-всякому... Милая, вы уж этого большевика приголубьте. Он, конечно, оригинал, но вполне к домашнему хозяйству годен.

Карлсон. Ну, Моншер! Что уж ты! Чего за меня-то говоришь...

Моншер. Как не сказать, знаю тебя с детства... Ну, на девятый день, мадам, мсье, прошу ко мне. Насчёт покупок не волнуйтесь, позабочусь. Сейчас откланиваюсь! В больницу Клюкве киселёк – клюквенный, хе-хе, – понесу. (*Уходит.*)

Доня (*поправляет цветы на могиле, оборачивается к Карлсону*). Мне боязно за тебя, сирота ты бесприютный... С крыш можно упасть! Очень-очень боязно, Карлсон! И из холодильь...

Карлсон. Всё обдумаю. Подумаю я. Не такой уж чурбан, что ты! Я ведь не только ловкий, я и прозорливый тоже, всё обдумаю, может, и научусь чему...

Занавес.